

ТРИБУНА

МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

№7 /204/ ОКТЯБРЬ 2021

tribuna.mosconsv.ru

С.2
АЛЬБЕРТУ СЕМЕНОВИЧУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

С.2
ПРИРОДНАЯ КРАСОТА - В НЕСОВЕРШЕНСТВЕ!

С.3
«КОНТРАБАС - ИНСТРУМЕНТ ЭНТУЗИАСТОВ»

С.4
ПАУЗЫ В ГЛАЗАХ ХУДОЖНИКОВ

ТРАДИЦИЯ

ВЕСЕННИЙ ПОДАРОК

IX Весенний бал Московской консерватории в конце уходящего учебного года консерваторцы ждали особенно трепетно. Столь любимого студентами детища уже не было давно – ведь в предыдущий учебный год мероприятие проводилось в онлайн-формате. И к всеобщей радости 4 июня Большой зал вновь открыл свои двери для участников и гостей знаменитого консерваторского Бала. В этом году он был посвящен юбилею выдающегося русского композитора С.С. Прокофьева, а главной темой стала история любви юных Ромео и Джульетты – героев бессмертного произведения великого английского драматурга. А музыкальный репертуар Бала пополнился номерами из всемирно известного балета Прокофьева.

Фото

Ежегодно в Весеннем бале принимают участие студенты Московской консерватории, а также приглашенные гости дружественных университетов и училищ: АМУ при Консерватории, РАМ им. Гнесиных, МГУ, Академии следственного комитета, Военного института (военные дирижеры), МГХПА им. С.Г. Строганова. Такое большое мероприятие требует особой подготовки. Поэтому все участники за несколько месяцев начали готовиться – подбирать танцевальные образы, посещать репетиции.

Вечер открылся менюэтом «Съезд гостей» из балета «Ромео и Джульетта» Прокофьева, который плавно перешел в яркий танец дебютантов. Символом Бала стали белая и черная маскарадные маски, с которыми пары дебютантов вышли на паркет. По сложившейся традиции, после танца дебютантов ведущие вечера А. Клевич и А. Шумекова пригласили на торжественное приветствие ректора Консерватории и главу оргкомитета IX Весеннего бала, профессора А.С. Соколова. Вскоре зазвучали вальсы Д.Д. Шостаковича, М.И. Глинки, Т. Такемицу, И. Штрауса в исполнении Концертного симфонического оркестра (руководитель профессор А.А. Левин), за дирижерским пультом стояли Дж. Уолкер и А. Лемехов. И участники закружились в танцах.

Танцевальной частью вечера руководил танцмейстер и хореограф А. Андрацкий. Вторая часть Бала контрастно выделилась танцевальными аранжировками в исполнении Джазового оркестра Московской консерватории под управлением М. Минцаева, а также необычными декорациями в виде футуристических граффити. Участники переоделись в яркие платья и костюмы и в зажигательной атмосфере станцевали ча-ча-ча, румбу, венский вальс, кадрили и джайв. Что может быть лучше сочетания возвышенных танцев в первой части и острых, темпераментных – во второй!

Ежегодно организаторы привносят что-то уникальное, что отличает каждый последующий Бал от предыдущего. В девятом сезоне сценарий дополнился театральными зарисовками истории любви героев шекспировской пьесы, роль которых исполнили студенты ГИТИСа, артисты Е. Прокопец и Н. Хвостенко. А кульминацией праздничного вечера стало выступление актрисы театра и кино Е. Захаровой, после которого весь зал наполнился воздушными шарами! Чтобы запечатлеть все эти прекрасные моменты, на балу работали фотографы К. Шадрин и А. Ким, а также видеограф И. Старостин.

Благодаря слаженной работе организаторов праздник прошел на высоком уровне. Координацией рабочей группы и важными организационными вопросами занимались его исполнительный директор, доцент Я.А. Кабалевская и продюсер М.Г. Глазкова. Над сценарием и постановкой работали театральные режиссер, обладательница «Золотой маски» Г. Зальцман, художник-постановщик Я. Рафикова и графический дизайнер К. Куприянов. Подбором музыкального репертуара занималась директор КСО Д. Дмитриева. И бесценными участниками организационного процесса, а также помощниками во время Бала были члены студенческого актива МГК А. Шумекова, Е. Карпова, П. Букина, У. Трофимова, В. Рублева, И. Копачева-Куровская, И. Тагиева, Н. Жданова, Ж. Савицкая, С. Соломонян, Е. Атепаева.

Уже девятый год Весенний бал Московской консерватории собирает участников и гостей из разных вузов Москвы. Проектом интересуются многие компании, которые нередко в дальнейшем становятся партнерами Бала. Генеральный партнер прошедшего бала – АО «Дом РФ». Постоянные партнеры – компании Yamaha music Russia, «КофеМания», Nestle – стоят у самых истоков проекта и ежегодно поддерживают его, выделяя прекрасные подарки для участников. А новыми

партнерами Весеннего бала стали АНО по развитию искусства и просветительства «Звук», компании L'Occitane и «Ирис».

Каждый Весенний бал Московской консерватории наполнен яркими эмоциями участников и гостей, чудесной музыкой, динамичными танцами, обворожительными костюмами и платьями джентльменов и дам, великолепным оформлением зала с блестящим светом прожекторов и софитов. И за таким грандиозным проектом в стенах Московской консерватории стоит большая работа организаторов и всех тех, кто помогает в подготовке к балу. Выражаем благодарность за возможность создать волшебный и неповторимый танцевальный вечер и ректору А.С. Соколову, и проректорам В.А. Каткову, Л.Е. Слуцкой, О.П. Лянгу, и финансовому руководителю Н.В. Кобец. Огромное спасибо партнерам бала за поддержку, команде организаторов за качественную проработку мельчайших деталей. И, конечно же, самое большое спасибо вам, дорогие ребята – всем, кто творил эту красоту!

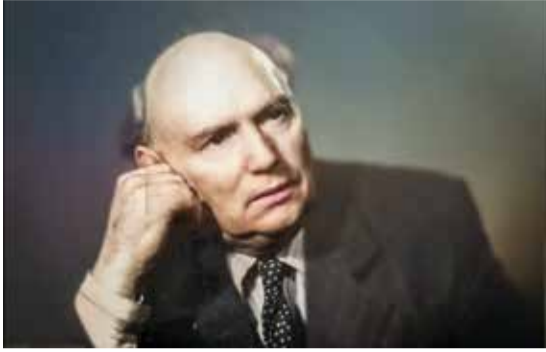
Можно смело сказать, опираясь на мнение большинства участников прошлых лет, что Весенний бал в Консерватории стал ключевым мероприятием в их студенческой жизни. А если вас еще не было на консерваторском балу, то после прочтения этих строк у вас точно появится желание оказаться на этом ярком танцевальном вечере, стать главными героями волшебного праздника, который найдет свое продолжение в уже наступившем учебном году.

По сложившейся традиции в конце текущего 2021/2022 учебного года должен состояться десятый (!) Весенний бал Московской консерватории!

Анжелика Шумекова,
председатель студенческого профкома

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

АЛЬБЕРТУ СЕМЕНОВИЧУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

6 июня в Большом зале консерватории состоялся концерт фестиваля «Альберт Семёнович Леман и его ученики», посвященный 105-летию со дня рождения композитора, многолетнего профессора Московской консерватории.

Имя А.С. Лемана (1915–1998) широко известно и памятно в академических музыкальных кругах. Причем во всех ипостасях, в которых Альберт Семёнович на протяжении долгой жизни раскрывал свои таланты: композитора, автора новой музыки, педагога, оставившего свой значительный след в истории Казанской и Московской консерваторий, общественного деятеля. Ему удалось добиться выдающихся результатов и предьявить миру яркие музыкальные произведения, необыкновенных и самобытных учеников, создать прекрасную школу, заложить традиции.

Его долгая жизнь была тесно переплетена с самыми яркими, значимыми, трагическими моментами XX века, включая Великую Отечественную войну и Ленинградскую блокаду. Он на собственном опыте успел прочувствовать репрессии и пережить настоящую ссылку, но, в то же время, занимал высокие посты, руководил вопросами культуры в Казани и Поволжье, растил таланты, воспитывал учеников, писал статьи и развивал музыкальную педагогику.

Альберт Семёнович родился в Саратовской губернии, учился в Ленинградской консерватории (по классу композиции у М.Ф. Гнесина, по инструменту – у Д.Д. Шостаковича), но в 1942 году был эвакуирован в Казань, где затем работал в Консерватории долгие годы, став одним из основателей татарской композиторской школы. После Казани Альберт Семёнович был приглашен в Московскую консерваторию, где стал заведовать кафедрой композиции. Его московские ученики – Михаил

Плетнёв, Глеб Седелников, Михаил Коллонтай, Александр Раскатов, Сергей Загний, Олеся Ростовская...

Нельзя сказать, что музыку самого Лемана мало исполняют или незаслуженно забыли, но вместе с тем его творческое наследие изучено явно недостаточно и есть множество произведений малоизвестных даже искусственному слушателю.

В программу концерта памяти Лемана входила музыка Альберта Семёновича и его учеников. Последняя в массе своей преобладала, но, как можно заключить из пояснений ведущей, кандидата искусствоведения Ирины Новичковой, организаторы фестиваля сознательно определили такой формат, в выгодном ракурсе открывая слушателю эволюцию его композиторского метода, отраженную в произведениях учеников.

Программа концерта была насыщенной и разнообразной: оркестровая музыка, концерты для сольных инструментов (саксофона, виолончели) с оркестром, вокальные циклы (самого Лемана и его ученика Д.Ушакова). В концерте участвовал Образцово-показательный оркестр войск национальной гвардии Российской Федерации под руководством *Азата Шахмухаметова*. Среди солистов – *Наталья Тютюнцова, Дмитрий Гриних, Дмитрий Чеглаков, Аркадий Пикунов*.

Настоящим же украшением и «изюминкой» концерта стало исполнение Медитации для терменвокса с оркестром *Олеси Ростовской* в исполнении автора. Оригинальное сочинение Ростовской покорило немногочисленную аудиторию БЗК.

Екатерина Пархоменко, IV курс НКФ, муз. журналистика

МУЗЫКА, ПРОНИЗАННАЯ ЭМОЦИЯМИ

17 сентября в Концертном зале имени Н. Я. Мясковского состоялся вечер памяти Народного артиста СССР, лауреата Государственной премии, почетного профессора Московской консерватории *Андрея Яковлевича Эшпая*. В зале имени выдающегося русского композитора и педагога в тот вечер звучала музыка его ученика.

Для Андрея Яковлевича, переехавшего с родителями в столицу России в детском возрасте, уроки музыки начались в школе имени Гнесиных. И любовь к прекрасному с годами только росла. Еще в Консерватории, получивший образование по двум специальностям – композиции и фортепианному исполнительству, – Андрей Яковлевич славился и своими литературными трудами. В своих сочинениях он обращался к темам войны и мира, любви к родному краю, внутренних переживаний человека, поклонения учителю.

На концерте собрались преданные друзья, студенты и просто поклонники творчества Андрея Эшпая. Солистки вечера – *Леонора Дмитерко* (скрипка) и *Татьяна Рубина* (фортепиано) – были лично знакомы с композитором. Их объединяла с профессором теплая дружба, совместное музицирование и любовь к музыке.

Музыка выдающегося композитора разнообразна. Андрей Яковлевич следовал веяниям времени и пробовал себя в разных жанрах. На концерте прозвучали избранные сочинения автора: программа была подобрана с учетом разных стилей письма. Слушателей познакомили со скрипичными переложениями концертов (концерт для трубы с оркестром, соната для виолончели и фортепиано),

с пьесами на марийские и венгерские темы («Шансон», «Воспоминание», «Венгерские напевы»).

Сочинения-посвящения выделялись именами адресатов: это и Морис Равель (Первый фортепианный концерт, Соната для виолончели и фортепиано), и учитель Евгений Голубев (*Lagamente*), и скрипачка Леонора Дмитерко («Мелодия», «Посвящение», «Эскиз»). Пять пьес для скрипки и фортепиано были исполнены ею проникновенно и чувственно, что вызвало в зале бурную реакцию. Все, что переключается с жизненными эмоциями, всегда нам близко.

Особенно ярко в тот вечер прозвучали «Венгерские напевы» в переложении для скрипки и фортепиано. Подлинная народная тема раскрывает колорит венгерской музыки через присущий венгерским танцам ритм, темп и полновзвучную фактуру. Изначально задуманные как вокальное сочинение для выпускного экзамена в консерватории, «Напевы» трансформировались и предстали перед слушателями в последней редакции – в исполнении Леоноры Дмитерко и Татьяны Рубиной.

«Творчество – вещь таинственная. На пути от замысла до конечного результата художник, как правило, несет большие потери. В каждом из нас живет великое сочинение, которое мы никак не можем написать», – говорил Андрей Эшпай, сидя за роялем. Сам он обладал сильным характером, добротой и особым чувством долга. Его музыка пронизана разными эмоциями. Поэтому она звучит свежо и по сей день.

Алевтина Коновалова, II курс НКФ, муз. журналистика

ПРОБЛЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

ПРИРОДНАЯ КРАСОТА – В НЕСОВЕРШЕНСТВЕ!

Пока мир захватывает несметное разнообразие естественных языков в виде межъязыковых контактов, расширения представлений о них среди широких масс, как и неуклонно возрастающая роль их изучения, где-то в тени прячутся сотни искусственных языков – конлангов. Белые пятна в этой области для любознательных немного восполняет научно-популярная книга *Александра Пиперски «Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского»*.

В названной книге известный лингвист рассказывает и показывает на практических задачах, как устроены избранные им 30 языков, в разной степени искусственных: наряду с такими конлангами, как *ро* и *паленео*, здесь очутились *немецкий, нюнорск* и *иврит*. Однако при попытке охватить чрезмерное количество языков,

о которых автор имеет весьма поверхностное представление (что свойственно, вероятно, всем лингвистам, а уж в научно-популярной литературе встречается особенно часто!), вдохновляющая на языковые открытия книга не лишена ложечки дегтя в виде ряда неточностей и ошибок.

Речь идет отнюдь не о мелких недочетах корректуры (хотя они тоже имеются), а о промахах. Так, в главе о самом музыкальном языке *сольресоль* автор берется утверждать, что в «естественных... языках минимальной единицей является звук», тогда как в рукотворном *сольресоль* – слоговая структура. И сразу же два момента вызывают вопросы. Первый из них: какая именно минимальная единица подразумевается? Лексическая? Фонетическая? Фонологическая? Единица письменного языка? Неплуглый читатель должен, наверное, догадаться, что имеется в виду фонетика, и действительно – к середине большого абзаца Пиперски переходит к разговору о гласных и согласных звуках в различных языках.

Однако тотчас же назревает другой вопрос: слышал ли что-нибудь уважаемый автор, например, о японских *катакане* и *хирагане*? Или о том, как устроена фонетика китайского языка? Прежде, чем бросать неосторожные слова вроде «нигде больше такого нет», стоит убедиться в верности своих идей, проверив все ныне существующие и вымершие языки.

Многие искусственные причуды можно найти в естественных языках. Знаменитая фантастическая мистификация Борхеса, якобы приводящего фрагмент классификации животных из некой китайской энциклопедии, может выглядеть абсурдно. До тех пор, пока вы не узнаете о системе счетных слов в китайском, согласно которой в одну группу попадают жесты и парные предметы, в другой оказываются мелодии и воинские части, в третьей – облака и цветы... Логика здесь,

безусловно, есть, и на ее основе можно было бы составить классификацию, не уступающую Борхесу. Выглядел бы фрагмент (реально существующей) китайской классификации существительных примерно таким образом: а) люди, б) продолговатые предметы, в) плоские предметы, г) предметы с ручкой, д) верблюды, е) домашний скот, ж) растения.

Более скромная, но не менее удивительная система скрывается в малоизвестном австралийском языке *дырбал*, в котором существительные делятся на 4 рода. В самом обобщенном виде к первому относятся мужчины и животные, ко второму – женщины, вода, огонь и опасные предметы, к третьему – растительная пища, наконец, к четвертому – все прочие.

Кое-что в книге было явно написано в угоду поповской яркости и простоте контрастов между естественным и искусственным. И несколько в ущерб истине, которой, думается, настоящий ученый не должен поступаться даже в научно-популярных работах. Так, преувеличен контраст в рассуждениях о причастиях в русском языке и *эсперанто*.

Отталкиваясь от кочующего по учебникам и справочным изданиям утверждения, что в русском нет причастий будущего времени, Пиперски ловко сравнивает его с эсперанто, где таковые имеются. Выходит, этот искусственный язык в чем-то побогаче русского, ведь в нем шесть причастий, а в русском только четыре. Чтобы выявить истинное положение вещей, можно обратиться к литературному языку XIX века. Или к интернету, на просторах которого, несмотря на официальные схоластические запреты, форма причастия будущего времени по-прежнему существует. В устной речи, бывает, они тоже всплывают. Акцент, таким образом, смещается: не то, что в русском по определению отсутствуют такие формы,

они есть, однако в настоящее время находятся в немилости у ученых.

Впрочем, во многом Пиперски вполне справедливо подмечает и достоинства конлангов, и их значительные недостатки. Так ли необходимы 96 падежей в *ифкуиле*? Или слова длиной в сотни букв в *птидде*? Или же исключительный лексический минимализм *токипони*, насчитывающей менее полутора сотен слов? Рациональный подход к организации языка, в частности, скажем, в выстраивании частей речи на основе алфавита, также можно отнести к минусам. В строгой структурированности философских языков и *ауклангов* почти не осталось места для «души», которой обладает каждый сформировавшийся естественным образом язык. Вероятно, в том числе и по этой причине, ни один из них не получил действительно широкого распространения. Значительно ближе к естественным языкам в этом отношении располагаются *артланги*, что Пиперски наглядно демонстрирует на примере языков Толкина, «Игр престолов» и некоторых других. Правда, большинство из них недостаточно разработаны для того, чтобы ими можно было полноценно пользоваться за пределами художественных произведений.

В конечном счете, секрета идеального языка, каким бы критериям он ни соответствовал, не существует. Подобно тому, как нет никакого философского камня, над открытием которого веками трудились алхимики. Но в поисках недостижимого идеала, которые разворачиваются перед читателем на страницах этой книги, по-новому раскрывается нечто более важное – красота наших естественных языков, эстетика алигичности, порою неосознаваемая их носителями. Природная красота – в несовершенстве!

София Петрунина, IV курс НКФ, музыковедение

ЗА ТВОРЧЕСКОЙ БЕСЕДОЙ

«Контрабас – инструмент энтузиастов...»

Филипп Крючков – выпускник Московской консерватории, контрабасист. Он – яркий музыкант, большой энтузиаст своего инструмента, участник одного из интересных современных контрабасовых коллективов – *Bass Friends*. Обо всем этом захотелось с ним поговорить: узнать подробнее, каков характер самого направления и каковы современные возможности классического инструмента...

– Филипп, расскажи пожалуйста, как ты стал участником *Bass Friends* и какие эмоции от игры в ансамбле контрабасов ты получаешь?

– Я не просто являюсь участником этого коллектива – я являюсь его создателем и основателем! А началось все еще в Екатеринбурге, где, благодаря моему первому учителю Антону Рождественскому, мы постоянно устраивали концерты контрабасовой музыки, куда старались приглашать контрабасистов со всего города, чтобы собираться в ансамбли. Само собой, мы рассмотрели на зарубежные коллективы, такие как *The Bass Gang*, заслушивали до дыр диск великого Гари Карра в ансамбле с контрабасистами Лондонского симфонического оркестра, которые записали множество обработок классической музыки и не только. Правда, поступив в Московскую консерваторию, я столкнулся с тем, что очень тяжело найти энтузиастов среди контрабасистов, хотя контрабас – это именно инструмент энтузиастов. Потому что многое, чем мы занимаемся в Московской консерватории, на самом деле не так сильно потом пригодится в жизни. И все-таки такие контрабасисты находятся, хотя их очень мало.

– Ты сам формировал состав?

– Состав, который есть в нашем ансамбле сейчас, организовался благодаря моей работе в оркестре. До этого была немного другая ситуация – когда я не работал в РМНСО, я собирал людей из разных оркестров для того, чтобы играть на разных вечерах. Мы долго пробовали различные вариации состава, потому что, когда вы не работаете в одном месте, самая большая проблема – это собраться и порепетировать. Особенно если учесть, что нас в ансамбле было не четверо и даже не пятеро – нас было десять человека, и все из разных коллективов. Благодаря ребятам мы до сих пор существуем, и это приносит невероятные эмоции.

– А где ты берешь репертуар для ансамбля?

– Раньше я сам делал переложения и, честно говоря, несмотря на огромный контрабасовый опыт, пробелы по гармонии давали себя знать. Основная проблема моих переложений заключалась в том, что я делал их максимально сложными. Потом я пересмотрел свои взгляды. После 2018 года, когда в ансамбле наступила очередная пауза – в каждом сезоне был перерыв на полгода, когда я переделывал переложения, да и сам интерес в реализации идей пробуждался только к концу зимы, – я задумался о концепции коллектива.

– И какова эта концепция?

– Сейчас объясню. Если говорить о сольном исполнении на контрабасе – это интересно, когда ты слушаешь два, ну три произведения. Но после тридцати минут прослушивания низкочастотной музыки на одном и том же инструменте начинает болеть голова – я это прекрасно понимаю. Поэтому основная концепция и идея ансамбля заключается в том, что контрабас интересен именно в ансамбле. Даже если проанализировать биографии всех великих контрабасистов-виртуозов, они стали известны благодаря их общественной деятельности. Когда ты играешь со скрипачами, пианистами и так далее – ваш репертуар близится именно к классике или к эстрадно-джазовой манере. Но ансамбль контрабасов – это еще и необычное зрелище, и внешне, и по звучанию. Поэтому я решил собрать такой коллектив, который будет увлекать слушателя своим стиливым разнообразием, артистизмом и зрелищностью, давая возможность простому слушателю познакомиться с самыми яркими образцами классической музыки, включая известные композиции, в переложении для необычного состава.

– Насколько распространенным в наши дни вообще является такой инструмент, как контрабас?

– Контрабас не является распространенным инструментом. Обучение на нем в музыкальной школе начинается не сразу. Я, например, в музыкальной школе проучился пять лет на виолончели, которую не любил (контрабас я, честно говоря, тоже любил не сразу, мне понадобилось время на то, чтобы осознать, какие возможности открываются передо мной, каким ремеслом я могу овладеть и чем я буду зарабатывать на жизнь!). Сейчас в Москве есть пара музыкальных школ, где учат игре на контрабасе, начиная с шести лет. В Европе и Китае обучение детей на инструменте начинается еще раньше – с четырех лет. Я помню, как Артем Чирков привозил на свой фестиваль «Мир контрабаса» девочку четырех лет, которая играла на очень маленьком контрабасе размера 1/16 или даже 1/32. И это, на мой взгляд, очень здорово, потому что с самого детства ты понимаешь и изучаешь свой инструмент, а не какой-то другой, пусть и родственной.

Основная проблема распространения контрабаса в России, на мой взгляд, заключается в отсутствии хорошего инструментария. Это – самая важная часть, потому что у нас сложность игры на контрабасе заключается в том, что в первое время тебе в руки никто не даст хороший отстроенный инструмент.

В отличие от других стран. Первые лет десять ты борешься с тем, что тебе просто физически тяжело на нем играть. Многие инструменты уже давно надо было списать, многие инструменты нуждаются в качественном капитальном ремонте. Доступность инструмента и его отстройка – это основное, из-за чего страдает развитие и популяризация контрабаса в России.

– То есть практически все сначала играют на родственных струнных инструментах и только затем приходят к контрабасу. А как произошел твой выбор? Как ты понял, что хочешь играть именно на контрабасе?

– Я никак не понял, что хочу играть на контрабасе! Год я учился на скрипке, затем пять лет – на виолончели. В десять

контрабас еще не воспринимается как сольный инструмент. В мире немного другая ситуация – там контрабасисты выходят играть соло, но до уровня мирового гастрольного турне (как у скрипачей или пианистов) это все равно не доходит.

– И с чего надо начать?

– Сначала в России должен обогатиться инструментарий, после чего мы увидим, что у нас есть музыканты без физических и технических ограничений в исполнительстве. И только затем мы начнем открывать для себя молодых музыкантов, которые будут покорять слушателей именно исполнением (как Борис Березовский и Михаил Плетнёв среди пианистов, например!). Первый шаг для контрабасистов – это налаживание процесса

Фото Игоря Бакустина

лет меня перевели на контрабас: моя мама очень хотела, чтобы я закончил музыкальную школу, да и в нашей семье есть профессиональные музыканты – мой дядя контрабасист, тетя – скрипачка. Первые четыре года обучения я практически не занимался и делал не то, что нужно (о чем я сейчас очень жалею). До девятого класса я проучился в математической гимназии Екатеринбурга, закончил музыкальную школу при Свердловском областном музыкальном училище им. П.И. Чайковского. И в 14 лет мой второй педагог («по совместительству» мой дядя), сказал одну очень важную фразу (не знаю, был ли это спланированный ход или просто так сложились обстоятельства): «Контрабас – это то, чем ты можешь овладеть сейчас. Потрать еще несколько лет своей жизни, и у тебя будет профессия, которая всегда тебе сможет принести деньги, и у тебя будет хлеб. После этого ты можешь заниматься чем хочешь». И вот я здесь.

– Филипп, как тебе кажется, где контрабас может проявить себя ярче всего – в игре в оркестре, в небольшом ансамблевом коллективе или в сольном исполнительстве?

– Конечно, в сольном исполнительстве. Но этому всегда предшествует огромный ансамблевый опыт игры. В одном из своих предыдущих интервью я говорил, что в России

создания и ремонта контрабасов, после чего последует сильный скачок вперед: мы и увидим исполнителей, и сформируется множество ансамблей контрабасистов, и возникнет их Ассоциация... И так произойдет повышение общего уровня.

– И последнее: как бы ты сформулировал для себя: в чем главная особенность этого инструмента, кроме его размера и масштабов, разумеется?

– Примерно раз в полвека в обществе поднимался интерес к контрабасу, что было связано с появлением выдающихся сольных исполнителей: Доменико Драгонетти (первая половина XIX века), Джованни Боттезини (вторая половина XIX века), Сергей Кусевицкий (XX век). Несмотря на политические, исторические и экономические аспекты, музыка живет и она никому не подвластна. Что бы ни происходило вокруг, появляется потребность в новом звуке. И контрабас – это тот самый «новый звук», которого сейчас очень не хватает. Поэтому, на мой взгляд, главная особенность контрабаса в том, что это еще не до конца раскрытый для общества инструмент. Надеюсь, в ближайшее время контрабас начнет все больше привлекать публику своим насыщенным, глубоким тембром. И яркими исполнителями.

Беседовала Юлия Тихонова,
V курс НКФ, музыковедение

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Паузы в глазах художников

Что такое паузы? Это укутанная бездействием и безмолвием временная остановка. Согласно закону Ньютона, сила действия равна силе противодействия: насколько ты можешь быть активным и быстрым, настолько ты можешь быть ленивым, уставшим и бездействующим. Единственное время, за которое ты способен восстановить силы, – сон.

Молодые авторы работ, собранных на выставке «Паузы» в Московском музее современного искусства, создали концепцию, отражающую понятие *времени* и *пауз*. В одноименном проекте при поддержке молодого искусства ММОА и программы VII Московской международной биеннале молодого искусства во главе с куратором Оксаной Чвякиной «...тема замедления времени рассматривается через метафоры сна и бездействия». Работы представлены в разных жанрах – от инсталляции до фотографии и видео.

С первых минут пребывания в «Паузах» внутренний, вечно пульсирующий ритм жизни начинается как бы подстраиваться под пространство. Оно все окутано спокойными звуками. Раскачивающийся от сквозняка на входе маятник гипнотизирует, внутренне ты полностью ощущаешь, как некая сила начинает властвовать над тобой, погружая в соразмерность и «неспешение». Теперь твой громкий пульс как будто слышен соседу по выставке, он все еще бьется с бешеной силой, но... лишь 5 минут. И становится тише.

Инсталляция Анны Соповой и Антанаса Яциневичюса *time • into • a • loop* завораживает. Неординарная скульптура странно витиеватой формы приводит в замешательство, оцепенение, а электрический, как бы давящий звук проникает в голову. Поначалу ощущение не из приятных, его можно сравнить с рентгеном всего тела, когда доктор видит тебя насквозь. Не проходит и минуты, как ты к электровоздействию привыкаешь...

Картины и фотографии спящих людей напоминают когда-то пережитые моменты полного бессилия и погружения в мир Морфея. Проект «Я, Обломов» посвящен известному роману И. А. Гончарова. Автор работы, *Икуру Куваджим*, «представляет свою интерпретацию феномена обломовщины через серию автопортретов и фотографий интерьеров, сделанных в поездках по разным городам бывшего Советского союза». В состоянии лени и депрессии нет сил подняться с привычного мягкого

дивана и вершить свою историю жизни. Нет ничего вокруг, что бы привлекло внимание «усталого тебя». День сменяет день, ночь окутывает тьмой...

Особенно приковывает взгляд и слух необычная инсталляция *Шамиля Шааева*, состоящая из микрофонов, телефонов и аудиозаписей. Это «..клубок проводов и микрофонов, из которых доносятся голоса рассказчиков». На расстоянии вытянутой руки невозможно различить, какой текст доносится с близ висящего микрофона, который служит не способом усиления звука, а, наоборот, колонкой. «Форма инсталляции визуализирует запутанную ткань сновидений». Человек, проснувшись, зачастую не помнит своих снов. И необычный перформанс символизирует запутанность нитей сна, стертую грань между сознательным и бессознательным. *Что есть «на самом деле?»* – спрашивает автор работы...

Главная задача молодых художников – заглянуть внутрь посетителя выставки, добраться до его, как говорят в маркетинге, «болеи», вызвать эмоции и мысли типа *да, у меня тоже так было*. Если ты выявил «болевые точки» и помог человеку, его жизнь меняется.

Безмолвная тишина, изображенная по-разному, расслабляет. Время как будто больше не бежит – всем телом и умом ты пребываешь *здесь и сейчас*, нет никаких задач, нет домашней работы, есть только ты и размеренное спокойствие. Выставка «Паузы» – это возможность отдалиться от мира, заглушить внешний хаос, побыть наедине, услышать себя...

Алевтина Коновалова,
II курс НКФ, муз. журналистика

«Где дышал и любил твой таинственный гений...»

«Ветер принес издалёка песни весенней намок...» – одно из самых светлых стихотворений Александра Блока, лирическое интермеццо, посвященное излюбленной поэтом теме таинственной весны и, как следствие блоковской символики, теме любви. Неслучайно Блок написал его в январе 1901 года, когда ни о каких признаках приближения весны не могло быть и речи. Но поэт, находясь во власти романтических чувств к Любови Менделеевой, уже зимой предвкушал весеннюю встречу с будущей супругой в Шахматово.

Усадьба Шахматово – центр нынешнего музея-заповедника Блока, – располагается неподалеку от города Солнечногорска в холмистой местности, скрываясь от городского шума. Подъезда к усадьбе нет, попасть на ее территорию можно только пешком. Первым семейным владельцем имения был Андрей Николаевич Бекетов – дед поэта, профессор ботаники и ректор Санкт-Петербургского университета. Усадьбу он приобрел в 1874 году по совету своего друга Дмитрия Ивановича Менделеева, проживавшего в летнее время в соседней деревне Боблово.

Дом Бекетовых был небольшим; большая часть территории находилась в лесу. Поскольку глава семейства был увлечен ботаникой, при усадьбе был не только огород, необходимый для жизни, но и огромное количество садовых растений. Часть из них сохранилась до наших дней; например, привезенная и посаженная Бекетовым сахалинская гречица до сих пор растет около дома, аккуратно подвязанная к забору.

В Шахматово прошли детские и юношеские годы поэта. Надпись на каменном монументе, стоящем при входе в усадьбу, гласит: «Здесь, в ШАХМАТОВЕ, в 1881–1916 г. в летнее время жил и работал Александр Блок». Ежегодно в период с мая по октябрь поэт гулял среди местных лип, от высоты которых начинает кружиться голова, пушистых тополей и бескрайних кустов сирени. Дедушкино имение оставило в сознании Блока большой отпечаток. В Шахматово поэт создал более 300 стихотворений. Вот как он вспоминал любимую усадьбу в набросках второй главы поэмы «Возмездие»:

*Коляска подкатилась к дому,
И сразу стало все знакомо,
Как будто длилось много лет, –
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол – красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно...*

В 1910 году Блок перестроил дом, лично руководя строительством, но в 1921 году имение дотла сгорело. Его возро-

ждение по сохранившимся подробным описаниям и воспоминаниям очевидцев началось в конце XX века. К 2001 году двери усадебного дома-музея были открыты для посетителей. Сегодня территория усадьбы включает главный дом, флигель, каретный сарай, погреб, кухню, избу управляющего и конюшню. Кроме усадебных построек восстановлен весь окружающий ландшафт.

Основная экспозиция находится в доме. На первом этаже справа от входа расположена комната бабушки поэта – Елизаветы Григорьевны Бекетовой. Как писал Блок, она, свободно владея несколькими языками, переводила до двухсот печатных листов в год. Список ее трудов охватывает произведения разных авторов: Вальтера Скотта, Жорж Санд, Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Гюстава Флобера, Ги де Мопассана и многих других. Елизавета Григорьевна встречалась с Гоголем, вела переписку с Чеховым, лично знала Достоевского и Толстого.

Из дошедших до нас вещей семейного архива поэта на столике для рукоделия представлено вышитое ею полотенце.

В следующей комнате – голубой гостиной – семья проводила досуг, устраивая литературные чтения, игры в шарлады, раскладки пасьянса и слушание музыки. Поэтому здесь стоит старинное пианино, на котором, согласно истории, музицировал сам Сергей Рахманинов. Подставка для нот, расположенная слева от инструмента, и зонтик, прислоненный к дивану, также принадлежат семейному архиву Блока. В набросках «Возмездия» сохранилось краткое упоминание поэтом о гостиной с голубым цветом стен:

*И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.*

Комната А.Н. Бекетова и столовая также находятся на первом этаже. А чтобы попасть в комнату Л. Менделеевой, нужно подняться по узкой лестнице на второй этаж. Изящное убранство спальни *Прекрасной дамы* и музы поэта сильно отличается от купеческой скромности предыдущих комнат: роскошная ширма в модном тогда восточном стиле, довольно широкая кровать и ее личное зеркало-псише, расположенное у стены в центре комнаты. Рядом с ним на стуле лежит маленькая сумочка супруги поэта.

На другом конце второго этажа находится библиотека – самая красивая комната в доме: большое разноцветное витражное окно со всех сторон окружено книжными шкафами, высота которых достигает потолка. В этой комнате особенно чувствуется атмосфера старинной усадьбы, «литературный дух», пропитавший ее насквозь. Напротив библиотеки находится кабинет Блока с бамбуковой мебелью поэта и фрагментом его рукописи на письменном столе.

Но на этом история семьи Блока не заканчивается. Неподалеку от Шахматово, на окраине села Тараканово, сохранился остов храма Михаила Архангела, построенного в XVIII веке. Именно здесь в 1903 году Блок венчался с Менделеевой. Сейчас храм отреставрирован, а пара увековечена бронзовым памятником. Как и более ста лет назад, они вместе: любимый шахматовский пейзаж, поэт и его *Прекрасная дама*.

Елизавета Люцина,
V курс НКФ, музыковедение